РЮРИКЪ ИВНЕВЪ

САМОСОЖЖЕНІЕ

К-ВО „ФЕЛАНА"

САМОСОЖЖЕНІЕ

РЮРИКЪ ИВНЕВЪ

САМОСОЖЖЕНІЕ

КНИГА СТИХОВЪ
1912—1916 гг.

Книгоиздательство «Фелана»

ПЕТРОГРАДЪ
MCMXVII

805350 VV

Тип. Изд. Т-ва „Т./д. М. П. Якушевъ и К°". Невскій, 106.

Ты носишь имя, будто живъ, но ты мертвъ.

Апокалипсисъ, III, 1.

Мы знаемъ наши ошибки,
Господь проститъ ихъ намъ,
Когда въ небѣ, какъ волны, зыбкій,
Зажжется звѣздный храмъ.

Придемъ съ тобою въ поле
Въ полуночный, урочный часъ.
Здѣсь будемъ молиться на волѣ
Въ послѣдній, въ послѣдній разъ...

Москва. 1912.

Тебѣ, Создатель, я молюсь,
Молюсь, какъ рабъ нѣмой, покорный.
Сегодня я—какъ тать тлѣтворный,
Но завтра я преображусь.

Тебѣ, Создатель, я молюсь,
Молюсь! Дрожитъ и ноетъ тѣло,
Молитва новая созрѣла,
И я, какъ Ангелъ, вознесусь.

Сгоритъ ненужный пепелъ—тѣло,
Но духъ надъ міромъ воспаритъ.
Пусть плоть и кровь въ огнѣ горитъ:
Душа моя заголубѣла.

1912.

Храмъ. Святыя пѣсни и печали,
Взоры къ Небу всѣ обращены.
У святыхъ, разстегнутыхъ сандалій
Руки дѣвы, мужа и жены.

Сверху Духъ святой и величавый
Льетъ туманъ—святую благодать.
Здѣсь равны всѣ, радостны и правы,
На душѣ—горящая печать.

И горятъ надъ этимъ моремъ чистымъ,
Надъ толпой, склоненной у Креста,
Свѣчи желтыя въ мерцаньи мглистомъ,
И поютъ ихъ желтыя уста.

Эта пѣснь звучитъ во мглѣ негромко,
И не всѣмъ понять ея напѣвъ;
И душой невиннаго ребенка
Стала вдругъ душа моя, прозрѣвъ.

И, склонивъ дрожащія колѣни
Предъ огнемъ—горящимъ и живымъ,
Я стоялъ, рыдая средь моленій
И глотая ладанъ—синій дымъ.

1912.

Послѣдній часъ... Я руку поцѣлую
Тебѣ, святая.
Гляжу наверхъ. Тамъ бездну голубую
Я замѣчаю.

Внизу костеръ. И пламень восхищенный
Жжетъ, лобызая,
Меня, меня, мой профиль утомленный,
Не угасая.

1912.

Глаза полузакрывъ, вдыхая пламень яркій,
Душой проснувшейся я несся къ небесамъ.
Молился я изъ тьмы примчавшимся часамъ,
Что дали смертному безсмертные подарки:

Любви стозначный смыслъ и мысли трепетъ жаркій...
Я вышелъ за предѣлъ. Рукою твердой самъ
Далъ Огнь пронзающій лицу и волосамъ,
И, дрогнувъ, пала цѣпь, и пали жизни арки.

И вотъ иная жизнь, какъ явь, проникла въ кровь,
Рождая новыя, незнанныя начала.
Душа въ томленіи безмолвномъ задрожала,

Познавъ все скрытое и скрытую любовь.
Внизу костеръ горѣлъ, измученный до ала,
И озаряла Верхъ—Божественная Новь.

Москва. 1912.

Черезъ слезы, черезъ кровь, черезъ боли
Я къ пристани тихой приду,
Въ своей перемѣнчивой долѣ
Я стороны хорошія найду.

И буду довольствоваться малымъ,
И тихія слова понимать,
Весною питаться снѣгомъ талымъ,
И нищенку обнимать.

Насмѣшки, ядовитыя шутки
Я съ улыбкой отстраню.
Мой близкій, мой дальній, мой чуткій,
Я свое прошлое хороню.

Петербургъ. 1913.

Я буду ждать нашей встрѣчи
И четки перебирать.
Будутъ медленно таять свѣчи
И огоньки дрожать.

Книгу маленькую держать я буду
На колѣняхъ худыхъ.
Я словъ никогда не забуду
Твоихъ.

1913.

Мнѣ стыдно громко молиться
И стыдно объ этомъ говорить,
Хочется куда-нибудь укрыться,
Обо всемъ забыть.

Чуланъ ли, заброшенный садикъ,
Или жаркій чердакъ...
Чтобы все осталось сзади,
А впереди былъ новый знакъ.

Мнѣ стыдно признаться во многомъ,
Но когда-нибудь я пойду
Туда, гдѣ, отмѣченные Богомъ,
Зажигаютъ восковую звѣзду.

Молиться, молиться, быть можетъ,
Чѣмъ тише, тѣмъ лучше мнѣ.
Ахъ, кто мнѣ, кто мнѣ поможетъ
Найти любовь въ огнѣ!

1913.

Можно выйти изъ тѣла,
Точно изъ комнаты, закрывъ дверь,
И пойти въ глубь лѣса смѣло
И сказать: Подойди, звѣрь!

Можно взять лапы медвѣжьи
И къ нимъ припасть...
И съ людьми встрѣчаться рѣже,
И цѣловать пасть.

Будутъ вѣтки хрустѣть звучно,
Ноги заплетаться во мху.
Нѣтъ! Не будетъ никогда скучно
Преклоняться стиху.

Можно выйти изъ тѣла,
Изъ проклятой комнаты, закрывъ дверь на крючокъ,
И устроить жизнь умѣло,
Такъ, что позавидуетъ даже беззаботный сверчокъ.

1913

За старческой дряхлой рукою
Разутый, разбитый пойду.
Быть может, какъ старецъ, открою
Сокрытую въ тучахъ звѣзду.

И если жестокъ перекрестокъ
Двухъ бѣлыхъ, двухъ тихихъ дорогъ,
Я буду стоять, какъ подростокъ,
Который отъ горя продрогъ...

И, взявши цвѣточную руку,
Припавши къ цвѣточнымъ губамъ,
Я тихую, гордую муку
Беззвучно, безслезно отдамъ.

1914.

Врагъ! Слово Врагъ! Сколько муки
Въ немъ. Сколько ужаса въ словѣ Врагъ.
Поцѣлуйте растянутыя руки
И примите изъ крови знакъ!

Пусть безумно и страшно будетъ,
Пусть разумники кричатъ:—Идіотъ!—
Помолиться бы о дивномъ чудѣ,
Пока не выступитъ теплый потъ.

Врагъ! Слово Врагъ! Сколько звуковъ,
Сколько звуковъ въ сочетаніи буквъ.
Я не помню желѣзнаго стука,
И ослабѣвшихъ я не помню рукъ!

И вотъ только помню: поцѣлуй послѣднiй,
И вотъ только вижу—блѣдный ликъ.
И крикъ: жалкiй привередникъ,
Молодой старикъ!

Врагъ! Слово Врагъ! Сколько мыслей,
Сколько мыслей и сколько мукъ.
Пусть къ кликушнымъ я буду причисленъ,
Вотъ поцѣлуй мой,—жестокiй другъ!

1913.

Я—рабъ, незнающій и жалкій,
Я—тѣла блѣднаго комокъ.
Ударъ приму отъ злобной палки,
Дрожа отъ головы до ногъ.

Пусть будутъ яростны удары,
Пусть тѣло бьется, какъ змѣя.
Достоинъ мукъ, достоинъ кары,
Достоинъ слезъ и крови я.

Одно лишь слово понимаю,
Одну молитву лишь творю:
«Сгорѣть», но сердцемъ не сгораю,
А только медленно горю.

1913.

Вижу желтыя искры и плачу,
Далеко, далеко до конца,
И не скоро еще обозначу
Душу свѣтлымъ сіяньемъ вѣнца.

Будутъ искры и море нѣмое
Золотого, святого дождя,
А въ груди это сердце пустое
Затихаетъ. Безмолвствую я.

И зову. И прошу окончанья.
Путь, какъ нить телеграфная, строгъ,
И лежу, затаивши рыданье,
У Твоихъ осязаемыхъ ногъ.

1914.

По дорожкѣ иду и хватаюсь
За деревья, за вѣтки, за кусты.
Я многаго не понимаю,
Не люблю долгой версты.

А идти надо. Въ движеніи
Вѣтеръ сильнѣй и острѣй.
Иногда у меня головокруженіе,
Иногда—видѣнье морей.

Но все это, право, не къ дѣлу,
Кто душу мою размѣнялъ?
Мнѣ оставилъ черную, а бѣлую,
Завернувши въ фартукъ,—взялъ...

1914.

Жгучій стыдъ до боли, до униженья,
Крикъ сдавленный, ударъ и боль!
Мысли, плачи безъ звука, безъ движенія
Я ненавижу свою роль.

Ужасная, убивающая середина!
Не очень хорошій и не очень плохой,
Съ сантиментальной душой арлекина
И съ игрушечной сохой.

Ахъ, куда мнѣ, куда склониться,
И кому, кому мнѣ сказать,
Что всѣ лица, всѣ лица, всѣ лица
Отразили ужасную печать!

Жгучій стыдъ до боли, до униженья,
И обжигающій крикъ кнута.
Мои мысли, мои крики безъ движенія
И головокружительна моя мечта.

1913.

Мое сердце еще недостаточно каменно,
Но я окаменѣнія хотѣлъ,
Чтобы кровь не горѣла пламенно,
Чтобы я за другихъ не болѣлъ.

И когда вдругъ внезапно расчувствуюсь
И помочь безкровнымъ хочу,
Я въ сердцѣ не каменномъ чувствую
Дрожаніе, приближеніе къ лучу.

И молитвой тогда неумѣлою
Обращаюсь къ Тебѣ, мой Богъ!
Я тоскою безмозглой, безтѣлою
Отъ добрости Твоей далекъ...

А потомъ, склонившись къ желѣзному
Или каменному столбу,
Я цѣлую немного грязную,
Порыжѣвшую трубу.

1914.

Я убилъ залетѣвшаго въ щели,
Залетѣвшаго въ щели жука,
И потомъ на измятой постели
Я безъ жизни, безъ мысли, безъ цѣли
Больно сдавливалъ жилы виска.

Онъ былъ вредный, жестокій, опасный,
Но онъ жилъ, онъ шумѣлъ, онъ жужжалъ.
Ахъ, зачѣмъ я комокъ желтокрасный
Съ отвращеньемъ, со злобой напрасной,
Завернувши въ бумагу, держалъ?

А потомъ, позабывъ свои бредни,
Съ постной миною нищему грошъ
Протяну, возвращаясь съ обѣдни,
Какъ наглецъ, какъ обманщикъ послѣдній!..
Боже правый! Простишь ли? Поймешь?

1912.

Цѣловать нарисованныя ноги
И думать и не думать въ этотъ мигъ,
И берегъ видѣть пологій,
И прятать въ полотно свой ликъ.

Можетъ быть это лучше, чѣмъ плакать,
Чѣмъ кричать хрипло: караулъ!
Запретитъ ли Онъ желѣзомъ звякать
И ненавидѣть людской аулъ?

Я не знаю. Сонно. Пусто.
Гдѣ-то вдали гудитъ паровозъ.
И размякли всѣ мысли и чувства,
И зазвенѣли стекляшки слезъ.

1913.

Заплакать бы, сердце свое обнаживъ,
Спокойно и гордо заплакать.
Мой Господи! Я еле живъ,
Я, какъ снѣгъ растаявшій, какъ слякоть.

Я изолгавшійся, уставшій кротъ,
Ненавидящій блескъ алмазный!
Ты видишь, какъ змѣится мой ротъ,
Какой я грязный?

И сердце... но есть-ли оно?
И голосъ... Боже! Поймешь-ли?
Почему я, какъ темное дно,
Почему я такой нехорошій?

Я пробовалъ, молился, жегъ
Свою душу, свою кровь, свое тѣло,
Но духъ мой любить не могъ,
И плоть моя не горѣла.

Теперь—равнина путь...
Все прямо, безъ извилистыхъ точекъ.
О, Господи, подыши мнѣ на грудь
И пошли на меня вѣтерочекъ.

Ярославль. 1913.

Себя ударить мнѣ жалко,
Я такой нѣжный и голубой,
Да и не послушается палка,
Обструганная тобой.

Но вотъ подойдешь ты дорогой,
Которой я навстрѣчу шелъ.
И вспомню я карающаго Бога,
И вспомню вершины золъ.

Теперь твой ударъ ужасенъ,
И не сладокъ и не могучъ.
Ты видишь—мой взглядъ сталъ ясенъ.
Еще камней навьючь!

Быть можетъ станетъ легче,
А можетъ быть и тяжелѣй.
Я предчувствую свой поздній вечеръ.
Ударь! Приласкай! Согрѣй!

1914.

Ахъ, не надо звонкихъ и колючихъ
И безпощадно ужасныхъ словъ.
Пусть на небѣ вытанцовываютъ тучи,
Постукивая гвоздиками каблуковъ.

Мнѣ некуда устремиться и заплакать,
Хочется быть малюсенькимъ совсѣмъ:
Вымазаться чернилами, лакомъ,
И не рѣшать жизненныхъ теоремъ.

Ахъ, не надо жестокостей и уколовъ—
Я изнервничался, дайте мнѣ покой.
Вокругъ, будто осенью, все голо,
И нельзя побесѣдовать съ сочувствующей душой.

Довольно наркотическихъ откровеній,
Довольно играть съ огнемъ!
Гдѣ-нибудь въ сыромъ подвалѣ стать на колѣни,
И безъ думъ, безъ слезъ, безъ мученій
Кончить со вчерашнимъ днемъ!

1914.

Въ каждомъ движеніи гадкая злость,
Крѣпкая, какъ слоновая кость.

Ангелы съ неба,—желанные гости,
Не вытравятъ нехорошей злости.

Имя Его страшно произнести,
Вѣчно съ открытою болью брести.

Нести свои мерзости въ душѣ больной,
Задыхаясь чужою весной.

Можетъ быть, станетъ легче отъ пестроты,
Бумаги, цифръ и насмѣшекъ простыхъ?

1914.

Горькая радость въ оскорбленіи,
Въ ударѣ, въ визгѣ, въ плачѣ кнута,
Въ мучительномъ пренебреженіи.
(Объ этомъ молчатъ уста).

Такъ сладостно одно движенье,
Движенье глазъ кричащихъ и рта:
Въ немъ сладость, и нѣжность, и пѣнье,
И отвратительная глиста.

Закрыть рукою глаза и уши,
И улыбнуться на дикій крикъ.
Въ улыбкѣ этой—всѣ наши души,
Въ улыбкѣ этой—сладчайшій ликъ.

1914, февраль.

Въ каждомъ зрачкѣ, мелькнувшемъ даже
Въ злобномъ и горькомъ краю,
Ищу дешевой и вѣрной продажи
И всю душу, зарытую въ сажѣ,
Каждому встрѣчному отдаю,

Сознавая, что взгляды и встрѣчи
И взмахи прекрасныхъ рѣсницъ
Полоумной души не излѣчатъ,—
Только глубже и горше калѣчатъ
Душу—старенькую дѣвицу.

1914.

Господи! Тысячу разъ
Имя Твое повторяю
Тихимъ движенiемъ глазъ
И человѣческимъ лаемъ.

Господи! Имя Твое
Тысячу разъ повторяю.
Пусть въ душѣ сжигаемой
Имя Твое поетъ.

Господи! Прости,
Что я Тебя тревожу,
Какъ разбойнику Ты простилъ,
Боже!

1914.

Я знаю, въ рваномъ тулупѣ
Деревнями буду брести.
Всѣ будутъ считать меня глупымъ,
Сбившимся съ пути.

Знаю я также, что мука,
И горечь, и радость—одно.
Старичекъ близорукій
Скажетъ:—здравствуй, братъ родной.—

Можетъ быть въ ту минуту,
Когда отвернется родня,
Неразумное сердце кляня,
Шалью своею кутая,
Заря поцѣлуетъ меня.

Финляндія. Дорога. 1914.

О, если прежде надежда сіяла,
Какъ послѣ дождика купола,
Что злоба увянетъ, что злоба увяла,—
Теперь она вновь обожгла
Душу смертельнымъ жаломъ.

И спугнула прекрасныя думы,
И затмила сознанье мое.
Я со страхомъ слушаю шумъ
Страшный, какъ лезвіе
Бритвы угрюмой.

Тифлисъ. 1914.

Я танцую на острой бритвѣ,
Я пою изрѣзаннымъ ртомъ,
И заброшенъ мой молитвенникъ,
Надо мною не плачетъ никто.

Только смотрятъ изъ ложи бархатной,
Да изъ креселъ на танецъ мой,
А я вспомнилъ, что въ дѣтствѣ моя парта
Пахла чернилами и смолой.

Стало стыдно за танецъ жесткій,
За румяна впалыхъ щекъ,
За любимый запахъ известки,
За всѣхъ, кто грубъ и жестокъ.

Я танцую на острой бритвѣ
И кричу сквозь дымъ и туманъ:
Отдайте мнѣ мой молитвенникъ,
Мой сладкій обманъ!

1914.

Точно изъ развратнаго дома вырвавшаяся служительница
Душа забѣгала по переулкамъ (безъ эпитета).
Ноги,—какъ папиросы, ищущія пепельницу.
Ахъ, объ этихъ признаніяхъ другимъ не говорите!

Правда, часто глазамъ, покраснѣвшимъ отъ нечести,
Какія-то далекія селенія бредятся,
И даже иногда плавающая въ вѣчности,
Обстрѣливаемая поэтами Медвѣдица.

И тогда становится стыдно отъ мелочей,
Непринимаемыхъ, обыкновенно, во вниманіе.
Бейте, бейте желѣзомъ, за дѣло! Чей
Ударъ сильнѣй—тому поклонъ, покаяніе.

1913.

Точно прихрамывающая собачка по испорченному асфальту
Душа подпрыгиваетъ за убѣгающимъ счастьемъ.
Не поможетъ ей ни небо благородной Мальты,
Ни тонкое новомодное платье.

О, самое жестокое знать всю ничтожность
Души, исполосованной трусливой ложью.
Какая каторжная невозможность
Увидѣть слезу—ласточку Божью!

Если раньше была случайная, свѣтлая точечка,
Заблудившаяся въ организмѣ изворотливомъ—
Она все таетъ, какъ свѣтлое облачко
Въ тишинѣ, среди голубыхъ высотъ.

И скоро одно только останется:
Смотрѣть въ глаза крѣпкоглазыхъ дѣтенышей,
Вспоминая позднее раскаяніе
И что-то подобное чистотѣ.

Нилова Пустынь. 1914.

Ноготь, оторванный движеньемъ случайнымъ,
Образуетъ кровоизліяніе (наводненіе),
И оно страшнѣе наводненія въ Гавани,
Страшнѣе далекаго землетрясенія.

Какъ больно признаться на площади окружающимъ
Въ горькихъ причинахъ и горькомъ слѣдствіи,
А въ душѣ, безпричинно вздрагивающей,
Столько ненужныхъ и горькихъ наслѣдствъ.

1914.

Сюсюкая, пришептывая, сантиментальничая
Подъ видомъ сострадательнаго добряка,
Стою надъ трупомъ собаки раздавленной
Съ лицомъ заплаканнымъ,—съ душою, какъ сталь,
Съ душой Аракчеева и крѣпостника,
Изможденной, полоумной, неправильно поставленной.

Ничего не поможетъ: ни небо голубѣющее,
Ни воздухъ, въ которомъ морозъ и сосна,
Ни отъ вѣтра соленаго темнѣющая,
Набѣгающая волна.

Если бъ Имя Твое разсудкомъ мутнѣющимъ
Воспріять—смерть была бы ясна.

о. Стураміеле. Финскій заливъ.
1914, февраль.

Съ каждымъ часомъ все ниже и ниже
Опускаюсь, падаю я.
Вотъ стою я, какъ клоунъ рыжій,
Изнемогающій отъ битья.

Захвачу я платочекъ рваный,
Заверну въ него сухари,
И пойду пробивать туманы
И бродить до зари.

Подойдетъ старичекъ бѣлый,
Припаду къ мозольной рукѣ,
Буду маяться день цѣлый,
Томиться въ тоскѣ.

Онъ скажетъ: есть способъ,
Я избавлю отъ тяжкихъ путъ,
Вотъ досталъ бы мнѣ папиросу,
Безъ нея горько во рту.

Папиросу ему достану,
Онъ затянется, станетъ курить,
Словами лечить мою рану,
Душу мою лечить.

Но теперь печальна дорога
И тяжелъ мой удѣлъ,
Я не смѣю тревожить Бога—
У Него много дѣлъ.

1912.

Я запою голосомъ развинченнымъ
И сдѣлаю соотвѣтствующiй жестъ,
А если посмотрѣть подъ стекломъ увеличительнымъ,
Вы поймете, что я, какъ арестантъ,

Что я съ душою, душою развинченной,
Что я съ тоскою увеличенной
Ищу подходящихъ невѣстъ.

Вотъ вы улыбнулись презрительно,
Но улыбка ваша, какъ стонъ.
Пусть сваха захохочетъ язвительно,
Поймите же меня со всѣхъ сторонъ.

1912.

Господи! За упоминанье
Имени Твоего
Не осуди мою душу.
Каждый часъ—(я вѣдь только странникъ!)
Слышу горькое торжество
И вижу, какъ храмъ Твой рушится.
Каждый часъ—уколъ и ударъ,
Вздрагиваетъ ничтожное сердце.
Я вижу будущее: мерзокъ и старъ,
Размѣнивая на гадости Божій даръ,
Буду у чужого костра
Тѣломъ, покрытымъ пупырышками, грѣться.

1913.

Душу измученную и перепачканную,
Отвратительную, но родную мою,
Господь, укрѣпи своею подачкою,
Видишь: я на краю.

Можетъ быть завтра забуду о раскаяніи,
Паясничая, какъ клоунъ изъ послѣдняго кабака...
Все возмутительнѣй и необычайнѣе
Моя крестящаяся рука.

Новгородъ. 1914.

Мнѣ стыдно смотрѣть на воду и сушу,
Мнѣ горько смотрѣть на цвѣты, на лѣсъ.
Прячу грязную, рыхлую душу
Отъ безукоризненно синихъ небесъ.

Больно сжимаются глаза отъ свѣта.
Теплѣе, когда вокругъ горечь и грязь.
Такъ мучительно хочется пройтись раздѣтымъ,
Плача, ударяя себя и крестясь.

Если будетъ лучше отъ злобнаго смѣха,
Если стану чище отъ удара кнута
Сильнѣе надъ сердцемъ, надъ грязной прорѣхой
Издѣвайтесь, смѣйтесь до пѣны у рта.

А я дорогой пустынной, непролазной
Буду, шатаясь, плестись такъ себѣ, въ никуда,
И забуду, что я мерзкій, колючій и взрослый
И что за моей спиной—отвратительные года.

1913.

Только въ глухомъ и томительномъ одиночествѣ,
Безъ дробленій времени на полосы ночи и дня,
Забывъ все рѣшительно: имя, званіе, отчество,
Предсказанья хиромантокъ и злыя пророчества—
Можно душу свою понять!

Пусть не будетъ фейерверковъ городского остроумія,
Саркастическихъ улыбокъ и ядовитыхъ книгъ.
О, какъ сладко заснуть въ облакахъ безшумныхъ,
Не видя котелковъ, галошъ и отвратительныхъ мумій,
Растлѣвающихъ, огаживающихъ каждый мигъ.

О, время безъ раздѣленій на глупѣйшіе таксометры,
На нелѣпые, ничѣмъ не оправданные, часы!
Вотъ бы подъ медленное теченіе пахучаго вѣтра
Прогуливаться безъ вязанаго кашнэ и гетръ
Въ нѣжныхъ капелькахъ Божьей росы...

1914.

Ты чувствуешь боль земную,
Цѣлуя руку врага.
Ты чувствуешь боль земную
Въ вискахъ, въ мозгу, въ ногахъ,
Отъ пламеннаго поцѣлуя.

Пусть боль эта будетъ сильна,
Пусть сердце твое цѣпенѣетъ.
Пусть боль эта будетъ сильна,
Но помни—яснѣе, сильнѣе
Простившей души глубина.

1913.

Господи! Господи! Господи! Темный сводъ небесъ,
Монастырская душная келья.
Мнѣ въ холодное, мертвое сердце
Полоумный и сладкій бѣсъ
Льетъ преступное, сладкое зелье.
Неужели бритвой зарѣзаться?

Господи! Господи! Господи! Гордый, злой, пустой
Духъ пляшетъ въ уродливомъ тѣлѣ,
И выпячиваетъ свои губы.
Одинокій и холостой,
Я въ своей холостой постели
Буду мертвымъ, колючимъ, грубымъ.

Нилова Пустынь. 1914, весна.

Въ лиловомъ мракѣ окно. За небомъ
Какая просинь? Какая даль?
О, если могъ бы кормить васъ хлѣбомъ
И утолять вашу печаль.

Какая музыка за этой синью?
Дрожанье влаги или топотъ трубъ?
О Скандинавскія бьется твердыни
Море, молящееся поутру.

О, если бы знать... (я одно лишь знаю)
Я уже слышу—за скрипомъ телѣгъ
Безстрастныя пѣсни изъ Божьяго рая,
Язвительный вой кликушъ и калѣкъ.

О, только услышать, только отмѣтить—
И душа, какъ служанка, пойдетъ служить,
И будетъ скитаться по бѣлому свѣту
И огненный крестъ свой носить.

1914.

Не чистымъ, не гордымъ
Иду въ монастырь,—
Согбеннымъ, затихшимъ,
Убитымъ иду.

Господь Солнцеясный,
Пойми и прости,
Ужасную душу
Въ ладоняхъ зажми.

Господь убіенный,
Воскресшій Господь,
Я твой черезъ горе,
Чрезъ ложь и порокъ.

Слезою воздушной
Своей окропи
Воздушную душу
И ѣдкую кровь.

1914.

Холодный, синій свѣтъ звѣзды
Колеблется въ ночи.
О, сколько горечи, тоски, вражды!
Лечи, Господь, лечи...

Свѣтъ звѣздный, этотъ санный путь,
Воздушный мостъ.
Внизу, вверху,—вода и жуть,
А домъ Твой—святъ и простъ.

Онъ святъ и простъ, Твой ветхій домъ,
Такъ что-жъ,
Что онъ въ краю совсѣмъ иномъ,
Не здѣсь, гдѣ въ миломъ и святомъ,
И боль и ложь!

О, да святится синій свѣтъ
Звѣзды.
А въ сердцѣ каменномъ отвѣтъ:
Крикъ, свистъ и визгъ вражды.

1913.

Я иду дорогой снѣжной
Съ непокрытой головой,
Острый холодъ ноги рѣжетъ,
Вѣетъ вѣтеръ огневой...

Вотъ смѣнилась мгла разсвѣтомъ,
Такъ пустынна эта ночь.
Прошлое, гдѣ ты?
Неужели точка?

Вотъ селенье
И огонекъ,
Долготерпѣнье,
Поле и Богъ.

1914.

Душа, какъ свинецъ. Рабыней
Она рождена,
Ты видишь—въ пропасти синей
Душа ясна.

Все—ясно, все—непреложно,
Отчего же мнѣ
Все кажется хитростью, ложью
И сномъ во снѣ?

Ты чувствуешь вѣтеръ снѣжный,
Ты слышишь, какъ кровь поетъ,
И тѣнью несчастной и нѣжной
Блѣдный облакъ плыветъ?

А мнѣ—только плакать глухо
Въ одинокой тиши...
Коснутся ли Божьяго слуха
Молитвы порочной души?

1914.

Не вѣришь? Что-жъ, я не вѣрю тоже,
Но тогда почему
При имени нѣжномъ и сладкомъ—Боже—
Всякую руку жму?

Всякую душу, даже гадюку,
Готовъ прославлять,
Но тогда почему невозможную муку
Готовъ за другихъ принять?

Не вѣришь, а смотришь съ такою печалью,
Которой имени нѣтъ.
Вотъ за лѣсомъ, за Петербургомъ, за далью
Я вижу свѣтъ.

И онъ, этотъ свѣтъ, въ душѣ холодной
Горитъ, какъ Богъ.
Прими меня въ свой храмъ свободный,
На свой порогъ.

1915.

Ты знаешь, какъ птицы поютъ,
Ты знаешь, какъ пахнетъ въ лѣсу.
Тяжелую долю свою
Тебѣ одному несу.

Я знаю, придутъ и къ тебѣ
Нашептывать, что я плохой.
О боляхъ моихъ, о горбѣ
Забудешь ты за сохой.

Скажи, къ чьимъ ногамъ прильнуть?
Гдѣ мать моя? Гдѣ мой домъ?
Ты чернымъ крестомъ мой путь
Отмѣтишь въ умѣ своемъ!

1915, весна.

Говорили. Въ воздухѣ синемъ
Были звѣзды, какъ слезы Господни.
— Вы пріѣхали сегодня
Поклониться нашимъ святынямъ?—

Я молчалъ. Что могъ я отвѣтить?
Что всѣ мысли, всѣ чувства лживы,
Что успѣлъ я только замѣтить
Чей то ротъ больной и красивый
Въ гостиницѣ неприхотливой.

Завывали гудки пароходовъ,
Колокола звенѣли,
Изъ подъ заплеснѣвшихъ сводовъ
Кремля—молодыя деревья свѣтлѣли.

Новгородъ. 1914.

Широко разлившійся Волховъ
Предъ самымъ моимъ окномъ.
Все хорошо. Не плохо
Даже то, что мы не вдвоемъ.

Тянетъ съ рѣки прохладой,
Солнце за монастыремъ,
Единственная отрада—
Носить тебя въ сердцѣ моемъ.

Ты можешь мутить въ сосудѣ
Сердца ясную плоть.
Все, что подать мнѣ забудешь,
Подастъ за тебя Господь.

Юрьевскій монастырь. 1914.

Говорятъ—есть язва, чума,
А это что:—
Когда сходишь отъ любви съ ума
И дѣлаешься скотомъ!

За кусочекъ тѣла когда
Бога своего предаешь,
И на просьбу:—хлѣба подай—
Камень рябой подаешь.

Я бы лизалъ языкомъ
Твоего любимаго пса,
Я бы оставилъ свой домъ,
Я бы забылъ небеса.

Или такъ надо, чтобъ скотъ
Кончилъ концомъ скота,
Чтобы тяжелый потъ
Литься не переставъ?

И небо, и поле,
И стрекозы звенятъ.
Ты идешь на богомолье,
Помолись за меня.

Вспомни безрукихъ,
Вспомни кликушъ,
И тяжкія муки
Погибшихъ душъ.

Вижу селенье
Въ густыхъ облакахъ,
Божье терпѣнье
На воздушныхъ вѣсахъ.

Земную тревогу
Всю бы забыть,
Только бы Бога,
Бога любить.

Осташковъ. 1914.

Сосны, березы, небо,
Все—для любви.
Нѣтъ, не для этихъ прогулокъ
Ноги твои.

Слышишь, желѣзо бьется
И, точно сабля, гремитъ.
Вотъ твой путь настоящій—
Путь униженій, обидъ.

Но и про сосны ты знаешь,
Ты вѣдь въ Финляндіи жилъ.
За твою мудрую душу
Господь тебя отличилъ.

И вотъ ты идешь, несчастный,
По выжженной солнцемъ степи,
Но ты избранникъ Господній,
Ты радуйся и терпи.

Сосны, березы, небо,
Все—для любви.
Нѣтъ, не для этихъ прогулокъ
Ноги твои.

Рыбинскъ. 1916.

Смотрю съ тревогой на зелень листьевъ,
На твердую кожу розовыхъ щекъ.
Все пусто, пусто. Господь, очисти
Отъ этихъ мыслей, отъ этихъ строкъ!

Что тамъ, за этой глухой деревушкой,
И дальше, дальше, за синью рѣкъ?
Шумитъ ли вѣтеръ, кукуетъ кукушка,
Все—боль, все—горечь, все—нѣжность калѣкъ.

Ахъ, что мнѣ нѣжность, и горечь, и боли,
Ахъ, что мнѣ сосны съ шумомъ морскимъ!
Смотрю съ тревогой на зелень поля,
Смотрю, не вѣря глазамъ своимъ...

Кирву. 1916.

Хожу отъ собора къ собору
Душу свою бѣлить,
Можетъ быть очень скоро
Я перестану жить.

Такъ же будетъ Россія,
Какъ и теперь, стоять,
Будутъ пѣсни глухія
Въ монастыряхъ звучать.

Такъ же въ провинціи, въ слякоть,
Дождикъ будетъ въ окно стучать,
Станетъ въ подушкахъ плакать
Только вѣрная мать.

1914, весна.

Не о любви прошу тебя я,
Не о безумствѣ въ поздній часъ.
Пусть пламя свѣта, догорая,
Насъ озаритъ въ послѣдній разъ.

Огонь живительный и ясный
Возьметъ истлѣвшія тѣла,
И будетъ мигъ святой, прекрасный:
Паденье Тьмы. Паденье Зла.

И расцвѣтутъ на полѣ аломъ
Мечтой рожденные цвѣты,
И змѣи съ прокаженнымъ жаломъ
Уйдутъ подъ землю, какъ кроты;

И языкомъ бездымно жаркимъ
Огонь лизнетъ въ послѣдній разъ
Насъ, покоренныхъ мигомъ яркимъ,
Во цвѣтѣ лѣтъ—въ предсмертный часъ.

1912.

Не мнѣ, о Господи, улыбки раздавать,
Мнѣ только плакать, сжавшися комочкомъ,
И сердце мыслью злой полосовать,
Привыкшее къ компрессамъ и примочкамъ.

Мнѣ только боль чужую въ сорокъ разъ
Преувеличивать и ждать плевка и плетки,
И не увидѣть губъ, и не увидѣть глазъ
Распятаго—хотя бъ на мигъ короткій.

Не мнѣ, о Господи, заутреню встрѣчать
Съ смиреннымъ сердцемъ и въ одеждѣ новой,
Въ пальто съ чужого, добраго плеча,
Томясь, за дверью буду ждать дубовой,

И знать и чувствовать, что чтобъ не сотворилъ—
Все ложь и гадость и притворный кашель,
Не мнѣ, о Господи, дыханіе кадилъ,
Не мнѣ любовь Твоя, не мнѣ вино изъ чаши.

1914.

Снаружи такой культурный
И добрый господинъ.
Вотъ исчезъ этотъ вечеръ бурный
И съ собой я остался одинъ.

Выплыли жадныя лица,
Пахнущій мясомъ бичъ.
Не лучше ли сразу раскрыться
И сбросить величіе?

Крикъ румяный и сладкій
Слабѣетъ. О, нѣжная боль!
Сколько прелести въ лихорадкѣ,
Въ тоскѣ и въ неволѣ.

Это невѣроятно,
Что есть крѣпостники,
Любящіе ароматъ
Бьющей руки.

Все такъ гладко снаружи,
Но лучше боль и крикъ,
Мучительная стужа
И злой крѣпостникъ.

1914.

Грубою тканью (за грубость можно
Все отдать) окутаю слабое тѣло,
И пойду полоумный, тревожный,
Въ степь безъ плана, безъ дѣла.

О, какъ люблю я это небо,
Что съ такимъ терпѣньемъ глядитъ на землю.
Я съ глуповатой улыбкой внемлю
Шопоту спѣлаго хлѣба.

Какая нѣжность въ душѣ отъ боли,
Отъ горечи низкой и хилой.
Хорошо, грубой тканью закутавшись, въ полѣ
Искать свою земную могилу.

1915.

Ударяя въ грудь и теребя лохмотья
Такъ, что просвѣчивалась голая нога,
Словами жалкими начала колоть
Меня за то, что я не хотѣлъ помогать.

На грязной лѣстницѣ пахло саломъ и лукомъ,
И металась кошка съ перекошеннымъ ртомъ,
Равнодушный къ чужимъ болямъ и мукамъ
Я думалъ о благосостояніи своемъ.

Она шептала:—Сербія, Сербія, Сербія!—
А я колебался и бумажникъ сжималъ.
Можетъ быть вышвырнуть всѣ серебреники
И, повизгивая, побѣжать на вокзалъ...

Можетъ быть тамъ, гдѣ гудитъ желѣзо,
И разсказываютъ про Антихриста мужики,
Никто не будетъ язвительно рѣзать
Тѣло мое на пестрые лоскутки.

1914.

Ненависть—это не слово, а сахаръ,
Горечь, мука—это шутка ребенка.
Я брожу по улицѣ, какъ сваха,
И смѣюсь нарочно звонко.

А въ душѣ и въ воздухѣ синемъ—
Такъ обидно и невѣроятно больно.
Ахъ, когда мы занозу вынемъ
Изъ тѣла безвольнаго!

Ударить себя—не поможетъ,
А другихъ ударить жалко,
И идешь къ трехрублевой гадалкѣ
Посмотрѣть, какъ карты она разложитъ.

И будетъ все такъ трафаретно:
Король, дама, девятка, двойка,
Непріятность, заботы (два валета)
И безобразная попойка.

И хочется, чтобы выскочила изъ колоды
Какая нибудь новая масть,
И чтобы какой нибудь звѣрь, вышедшій изъ моды,
Раскрылъ свою старомодную пасть.

1914.

Найду ли сладость въ униженіи,
Пойму ли Страдающаго Бога?
Холодный вѣтеръ. Головокруженіе,
И монастырская дорога.

Надъ чахлою увядшею травою
Облинявшіе столбики выстроились въ рядъ,
А надъ самой душой, надъ самой душою
Антихристовы глаза горятъ.

Можетъ быть пойти на открытую сцену,
И выплясывать танцы въ полосатомъ трико?
Или лучше вернуться къ лѣсу, къ сѣну,
Въ Сибирь, въ Манчжурію—далеко, далеко

Отъ всѣхъ друзей и отъ всѣхъ близкихъ,
Лгущихъ, какъ предсказательницы, мнѣ...
Передъ деревянной церковью склониться низко
И застыть въ летаргическомъ снѣ.

1914.

Каждое оскорбленіе—бичъ солоноватый,
Подгоняющій волю къ совершенствованію души.
Отвратительныя, убогія заплаты
Съ тѣла, ищущаго вѣчной расплаты,
Сними, мучитель, и раскроши,

Чтобы я могъ захлебнуться въ истинѣ
И увидѣть себя барахтающимся въ грязи,
И потомъ, хоть на сотую долю очищеннымъ,
Недоступную душу твою поразить.

О, безъ ложной жалости, безъ состраданія
Жги, какъ можешь, какъ хочешь меня,
Каждое оскорбленіе—мое врачеваніе,
Солоноватый бичъ, подгоняющій желаніе
Каждый вздрагивающій мускулъ обнять.

1914.

Послѣдніе свои грѣхи
Молитвой твердой очищая,
Къ вратамъ божественнаго рая
Онъ шелъ отъ людной Серемхи.

И вотъ пришелъ къ пустыннымъ водамъ,
Тамъ островъ каменный бѣлѣлъ.
Тамъ было мѣсто зрѣлымъ годамъ,
Тамъ лѣсъ таинственный шумѣлъ.

О, если бы я только могъ,
Хотя частицею ничтожной,
Къ Тебѣ приблизиться, мой Богъ,
Въ тиши или во мглѣ дорожной,

Я все бы громкое забылъ,
Я все бы жадное оставилъ,
И язвы пышныя раскрылъ,—
И въ Палестину путь направилъ.

1913.

Хрустящая пожелтѣвшая бумага,
Славянскія буквы съ церковной печатью.
Господи! Было это или не было?
Метрическое свидѣтельство! Рожденіе! Флаги!
Нѣжное лицо надъ пышной кроватью,
И выпуклое февральское южное небо.

Какъ жутко и странно. И непонятно
То, что всѣмъ понятно, что закономѣрно.
Господи! Было это или не было?
Маленькое тѣльце съ красными пятнами,
Крошечное сердце, бьющееся неувѣренно,
И спокойное февральское небо.

Ахъ! маленькая бумага съ параграфами и линіями,
Пахнущая нафталиномъ, мышами, пылью!
Господи! Было это или не было?
Вотъ крошечное лицо—уже большое и синее...
И такъ похоже на черную мантилью,
Пахнущее ладаномъ, февральское небо...

1914. Тифлисъ.

Сумасшедшіе, невѣрные, окаянные,
Двуногіе, обросшіе шерстію,
Думайте, думайте постоянно
О неминуемомъ: о второмъ пришествіи.

Раскуривая папиросы, икая проспектами,
Задыхаясь въ матеріяхъ новомоднаго покроя,
Вы соскучились по пулеметнымъ секторамъ,
По расплющеннымъ мозгамъ и теплой крови.

Вы отравили мою мысль и мое существованіе,
И втиснули въ сердце отчаяніе и невѣріе,
Но послѣднимъ уголкомъ незагаженнаго сознанія
Умоляю о перемѣнѣ кругосвѣтной серіи.

Вы—когтями отвратительными и черствыми
Превратили міръ въ дьявольскаго именинника!
Можно легко вздохнуть только на заброшенномъ островѣ.
Въ деревянной кельѣ умирающаго схимника.

1914.

Я надѣну колпакъ дурацкій
И пойду колесить по Руси,
Вдыхая запахъ кабацкій...
Будетъ въ полѣ дождь моросить.

Будутъ ночи сырыя, какъ баржи,
Затерявшіяся на рѣкѣ.
Такъ идти бы все дальше. Даже
Забыть про хлѣбъ въ узелкѣ.

Не услышу я хохотъ звонкій.
Ахъ! Какъ сладокъ шумъ вѣтокъ и травъ,
Будутъ выть голодные волки,
Всю добычу свою сожравъ.

И корявой и странной дорогой
Буду дальше идти и идти...
Много радостей сладкихъ, много
Можно въ горькомъ блужданьи найти.

1914.

Все забыть и запомнить одно лишь,
Что Архангельскъ не такъ ужъ далекъ,
Если, жизнь, ты меня обезволишь
И сломаешь, какъ стебелекъ,
Все забуду, запомнивъ одно лишь,
Что Архангельскъ не такъ ужъ далекъ.

По дорогѣ узкоколейной
Я всегда до тебя доберусь.
Хорошо, что я не семейный,
Хорошо, что люблю я Русь.
По дорогѣ узкоколейной
Я всегда до тебя доберусь.

Ну, а тамъ пароходомъ не долго
И до васъ, мои острова,
Не увижу тебя я, Волга,
Не вернусь я къ тебѣ, Нева,
Ну, а тамъ пароходомъ не долго
И до васъ, мои острова.

И никто никогда не узнаетъ
Въ чемъ смѣшное несчастье мое.
Только вѣтеръ, весла срывая,
Жалобно запоетъ,
И никто никогда не узнаетъ
Въ чемъ смѣшное несчастье мое.

1913.

Обезьяна сидитъ во мнѣ
И копается лапой своей,
Ни въ родной, ни въ чужой сторонѣ
Не найдешь ни лѣсовъ, ни полей...

И мнѣ стыдно взглянуть въ глаза
Даже лгущимъ и наглымъ глазамъ,
Не ехидничай. Знаю самъ—
Не вернется дѣтство назадъ.

И свѣжа, и тверда печать
У высокихъ райскихъ дверей.
Какъ гомункулъ буду летать
Въ стеклянной колбѣ своей.

1915.

Съ расчетливымъ, холоднымъ жаромъ
Молиться Богу, а потомъ—
У бѣдняка взять пищу даромъ
И лошадь пристегнуть кнутомъ.

И даже не вздохнуть надъ книгой,
Гдѣ въ каждомъ словѣ Богъ и боль,
И только обезьянкой прыгать,
Вертя хвостомъ, блестя, какъ моль.

О, съ откровенностью жестокой
Открыта будущность уму:
Тащиться къ гробу одинокимъ
И непонятнымъ никому.

1913.

На темномъ фонѣ грязныхъ занавѣсокъ
Распять свой мозгъ румяный, какъ карминъ,
Понявъ на мигъ, что выходъ есть одинъ,
Освобождающій отъ сна и вѣса.

И если я—сегодняшній повѣса,
Не знающій, что значитъ горькій сплинъ,
То завтра съ тонкой страстью балеринъ
Я выполню ехидный танецъ бѣса.

Въ послѣдній разъ, отбросивъ предразсудъ,
Открою искренности кранъ опасный,
И каждый штрихъ, до этихъ поръ неясный

И эластичный, какъ глухой Талмудъ,
Зажжется вдругъ, какъ пламень желтокрасный,
И обнажитъ болѣзнь, порокъ и блудъ.

1914.

Смотрю холодными и лгущими глазами
Въ чужіе лгущіе, холодные глаза,
А вечеромъ любуюсь небесами,
Молитву не боюсь пересказать.

И въ этотъ часъ, пожалуй, даже вѣрю,
Что я немного лучше и свѣтлѣй,
Хоть такъ же лгу и такъ же лицемѣрю,
Вымаливая дружбу у людей.

О, какъ болятъ глаза отъ свѣта, отъ улыбокъ,
И руки отъ пожатій дорогихъ,
И каждая побѣда,—какъ ножи,
И каждая любовь,—какъ каменная глыба.

1914.

Смотрю въ зрачки: (въ нихъ свѣтлый, честный умъ)
И думаю: хвали меня, хвали!
Я буду лгать про небо, про тюрьму,
Про Палестину и про боль молитвъ.

И съ каждымъ преступленіемъ чернѣй—
Свѣтлѣе дѣлать хитрую улыбку,
Забрасывать словами: чародѣй,
Архангелъ, голубь, небо, облакъ, скрипка.

И чувствовать, что каждый ясный звукъ-
Ударъ кнута по позвонку, по кожѣ,
Что внутренность души—паукъ,
На паука простого не похожій.

Смотрю въ зрачки, томлюсь по похвалѣ
И невозможныхъ поцѣлуевъ жду,
Слюною брызгая здѣсь, на землѣ,
На пышную, цвѣтущую звѣзду.

1915.

За спиною холодной и скользкой
Только судороги рыбы живой,
Разрѣзаемой на полоски,
Только вѣтеръ, да волчій вой,

Да еще коленкоровый фартукъ
И соленая кровь на немъ.
Кровь, не лейся на блузу, на парту...
Все—смогу ли очистить огнемъ?

Все—смогу ли руками больными
Переставить и измѣнить,
Это страшное мертвое имя
Божьимъ Именемъ освятить?

О, не слишкомъ ли стали могучи
Этихъ сладостныхъ болей слѣды,
Не затмятъ ли тяжелыя тучи
Виѳлеемской моей звѣзды?

1914.

О, этотъ черный день, онъ чернѣе
Самой черной ночи. Такъ черна душа.
Ты безучастно поворачиваешь шею
И говоришь холодно и не спѣша.

Все рѣшено. Ничего не будетъ,
Кромѣ боли и томительнаго стыда.
Поцѣлуй измученнаго Іуды
Жжетъ меня сквозь моря и года.

О, этотъ черный день! Этотъ голосъ,
Мучающій, сжигающій, бьющій, какъ кнутъ!
На душѣ не найдешь темно синихъ полосъ
Отъ ударовъ и отъ горькихъ минутъ.

Но сквозь толстый слой обидъ, униженій,
Сквозь насмѣшки и крики во всѣхъ рядахъ,
Свѣтитъ мнѣ, упавшему на колѣни,
Странническая, снѣжносиняя звѣзда.

1914.

Горькимъ словомъ зажги меня,
Правду скажи.
Вижу только языкъ огня,
Воду черную и ножи.

Господи! Гдѣ тѣ дни:
Няня, Саксонскій садъ.
Этой жизни верни мнѣ, верни
Несложный укладъ.

А надъ темной душою дымъ
Книзу стелется. Я смотрю,
Какъ сожженный огнемъ своимъ,
Не сгорая до тла, горю.

1914.

Я знаю, что все неправда,
Что это шутка скорбй,
Нѣтъ географической карты,
Нѣтъ городовъ и людей.

Я знаю, что все неправда,
Все—только одинъ уголекъ:
И солнце, и звѣзды, и небо,
И вѣтеръ, и дождь, и песокъ.

Я знаю, что все неправда—
И я, и ты, и они.
Нѣтъ Ледовитаго океана
И ѣдкаго слова «Россіи».

1915.

Что я могу отвѣтить? Развѣ
Не видишь: косточки мои...
Ударъ хлыста по гнойной язвѣ
Такого горя не таитъ.

И какъ подъ этимъ небомъ Божьимъ
Такія чувства могутъ быть?
Какъ могутъ по горячей кожѣ
Такія волны проходить?

Вотъ все, что есть. И вотъ—пустыня,
И нѣтъ въ ней больше ничего..
И только бьется, бьется синій,
Неумирающій огонь.

1915.

Тибетъ, Тибетъ! Воетъ волкъ за лѣсомъ,
Гадюка ползетъ подъ рыхлой землей,
Бѣлка скрипитъ на вѣтвистой ели,

Человѣкъ вьется мелкимъ бѣсомъ,
Русалка несется надъ жадной волной,
Тибетъ, Тибетъ! Ахъ, сколько язвъ на тѣлѣ!

Музыка горя, грома, бури!
Вода отдѣлилась отъ твердыхъ частей,
Сердце нарушило Божью волю!

Корабль черногрудый плыветъ въ лазури.
Тибетъ, Тибетъ! Какъ тяжело безъ вѣстей
Въ ясномъ языческомъ полѣ!

Кирву. 1916.

Отъ ненависти жуткой и полоумный
Какъ сердце бьющееся уберечь?
Больно, грустно, томительно...

Во мнѣ нѣтъ ничего благоразумнаго,
И меня всегда будетъ томить и жечь
Всякій пустячекъ ненужный и утомительный.

И я смотрю на небо несудимое, безотвѣтное
И на воду, голубѣющую, какъ бирюза,
И мнѣ становится жалко всѣхъ имущихъ и торжествующихъ

И хочется предпринять путешествіе кругосвѣтное:
Идти, опираясь на палочку, куда глядятъ глаза,
Дальше отъ хохочущихъ, колющихъ, воюющихъ.

1915.

Татарскій конь горячится. Руку крѣпче жми.
Юноша! Матерь свою не срами!

А въ синемъ небѣ ручей журчитъ.
А въ синемъ полѣ блестятъ мечи.

Послушай небо—тамъ ручейки,
Послушай поле—тамъ всадники.
На какого юношу взглянуть?
Куда острый мечъ повернуть?

Ахъ, не страшенъ, не страшенъ, не страшенъ
Квадратъ поля, кровью окрашенный.

О, небо, небо! Всадникъ родной,
Гдѣ же твой щитъ стальной?

Юноша! Скажи: вотъ мой щитъ—
Сладость горькихъ униженій, обидъ.

Кирву. 1916.

Татарская кровь, татарскій разсадникъ.
О, Московія, Московія, Московія!
Вотъ мчится всадникъ, горячій всадникъ.
Дорогіе, дорогіе, дорогіе,
Глядите, какъ отраженъ онъ
Въ другомъ всадникѣ, солнцемъ сожженномъ!

Тяжелыя доски, запахъ сосны.
Князья захлебнулись отъ мутной волны.
Сосновыя доски! Ахъ, то мѣсто не смоетъ дождь,
Гдѣ плясалъ разъяренный татарскій вождь.

Глохнутъ уши. Слѣпнутъ глаза.
Плыветъ кораблемъ золотая Рязань.
Братъ, братъ, братъ, не гнѣвись, не казни,
Вотъ ладони мои, вотъ мои дни.

Спасите, спасите, спасите!
Спаситель, Спаситель, Спаситель!

Кирву. 1916.

О горе, горе! Моря я не вижу.
О горе, горе! Я на берегу.
О горе, горе! Ближнихъ ненавижу
И ближнимъ о любви священной лгу.

Когда бъ я могъ подъ градомъ испытаній
Прійти къ Тебѣ и умереть съ Тобой.
О горе, горе! Вотъ быстрѣе лани
Несется молодость къ пустынѣ восковой.

О горе, горе! Вѣдь не хватитъ жизни,
Чтобъ весь позоръ, всю мерзость искупить,—
О горе, горе!—Возлюбилъ бы ближнихъ,
Да не могу я ближнихъ возлюбить!

1916.

Господи! Отними отъ меня
Этотъ подлый взоръ.
Если мало святого огня,
Увеличь костеръ!

Ты видишь—на ладони моей
Всѣ пути мои.
Съ каждымъ часомъ гаже, хитрѣй
Жало любви.

Вотъ затылокъ бѣлый, крутой,
И надъ нимъ мелькаетъ ножъ.
Ахъ! Отъ этой мысли больной
Никуда не уйдешь.

Вотъ двухъ глазъ свѣтлыхъ, простыхъ
Голубые огни.
Пальцемъ протыкаю ихъ,
Наслаждаюсь звукомъ «Распни».

Ахъ! Вѣдь можно взять и уйти
Въ сумракъ полей.
Господь! Всѣ мои пути
На ладони Твоей.

Ярославль. 1916.

Вѣрный отшельникъ, цѣлую пламень.
Ель, склонись, склонись!
Мое хозяйство: грибы, кремень,
Хижина въ лѣсной лысинѣ.
Отшельникъ, ель неземную цѣлую.

Небесной росы капельки
Падаютъ дождичкомъ синимъ,
Дрожу, какъ испуганный кроликъ,
Тѣломъ больнымъ и постылымъ.

Вязкій вѣтеръ бьетъ корой. Паруса, паруса!
Сердце, паутинь, паутинь!
Воскресни, воскресни, воскресни! Въ небеса
Душу больную кинь!
Отшельникъ, цѣлую ель и пламень твоей руки.

Если назначено царствовать—царствуй,
Если назначено рабствовать—рабствуй.
Ахъ, синее, синее море мое!
Кружится, кружится горе мое!

Туманъ надъ лѣсомъ проплываетъ
И лѣсъ дождливый зашумѣлъ,
Молитва сердце прожигаетъ,
А я молиться не умѣлъ.

О, рабство, рабство, мое синее море!
Въ Персіи царство, или въ синемъ просторѣ?

Голубь мой, голубь мой, голубь!
Все пронеслось, унеслось,
Осталась лишь синяя прорубь
Униженій, молитвъ и просьбъ.

На землю падаю безъ силъ,
Христосъ, спаси, спаси, спаси!

1916.

Прости за гордость, за глумленье,
За суетливую вражду.
Иду къ Тебѣ въ уничиженьи,
Въ печали пламенной иду.

И вижу небо надъ собою,
И вижу Геѳсиманскій садъ,
И слышу, какъ надъ головою
Сухія вѣтки шелестятъ.

Вотъ весь я жалкій и ничтожный,
Прими меня такимъ, какъ есть.
Ужель устамъ моимъ возможно
Молитву чудную прочесть?

Пріютская церковь. 1916.

Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое.
Псал. 56,8.

БЕЗМОЛВІЕ.

(Изъ «Древняго Патерика»).

Дай мнѣ силы извѣдать безмолвіе,
Путь пресвѣтлый къ небесному царствію.
О, безмолвіе, мать сокрушенія,
О, подательница покаянія.

О, безмолвіе, душу грѣховную
Очищаешь ты пламенемъ выспреннимъ.
Ты даруешь святое смиреніе,
Просвѣщаешь ты сердце жестокое.

О, безмолвіе, радость небесная,
Матерь разума, нѣжности, кротости.
О, безмолвіе, къ небу ведущее,
Къ миру свѣтлому, къ успокоенію.

О, безмолвіе сладкоголосое,
Собесѣдница Ангеловъ Божіихъ,
Испытательница грѣшныхъ помысловъ,
И родительница блага высшаго.

О, безмолвіе, зеркало ясное
Всѣхъ грѣховъ, преступленій и гордости,
Посылаешь ты слезы раскаянья,
Очистительное воздыханіе.

О, безмолвіе, благо небесное,
И досугъ для молитвъ упоительныхъ.
О, безмолвіе чистое, ясное,
Ты—пристанище самое вѣрное.

Ты—оружье для подвига чуднаго,
Утвержденье поста и раздумія,
Языка обузданье великое,
Преграждeніе невоздержанію.

О, безмолвіе, открывающее
Мудрость—разуму, сердцу—смиреніе,
О, безмолвіе, душу ведущее
Ко Христу во хоромы небесныя.

О, безмолвіе страстное, вѣчное,
Видишь смерть ты очами глубокими.
Привыкаешь къ землѣ нашей матери,
Ожидаешь Христа, Сына Божія.

О, безмолвіе, вѣчно враждебное
Всякимъ мерзостямъ и многорѣчію,
Матерь яснаго благоговѣнія
И страстей беззаконныхъ плѣненіе.

О, безмолвіе, радость великая,
Ты — страна Сыномъ Божьимъ любимая,
Изобилуешь благами высшими
И покоемъ великимъ и радостнымъ.

О, безмолвіе, сохраняющее
Огнь свѣтильника неугасаемымъ.
Ты псаломъ воспѣваешь плѣнительный
Въ ожиданіи Божьяго Царствія.

1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стихотворенія, помѣченныя въ оглавленіи звѣздочкой, были напечатаны въ слѣдующихъ книгахъ, альманахахъ и сборникахъ: Самосожженіе, листъ 1 кн. 1. Москва, 1913. Самосожженіе, листъ 2 кн. 1. Изд. «Петербургскій Глашатай». Петербургъ, 1914. Самосожженіе, листъ 3 кн. 1. Изд. «Очарованный Странникъ». Петроградъ, 1916. «Альманахъ Музъ», изд. «Фелана», альманахи «Очарованный Странникъ», сборники: «Центрифуга», «Бельгійскій сборникъ», Вечеръ «Триремы», «Вернисажъ,» Кн-во «Мезонинъ поэзіи» и др.

Цѣна 2 руб. 70 коп.